

ПОСЛЕСЛОВИЕ К 1985 ГОДУ

Из Дневника А.С. Черняева

«Итак, 1985 год...

Он теперь признан почти всеми как рубеж в истории страны и мира.

Все великие даты условны, особенно они такими выглядят, когда позже люди узнают подробности связанных с ними событий. Так выглядит, например, 25 октября (7 ноября) 1917 года в Петрограде.

Многие согласятся, что в XX столетии 85-й и 17-й годы сопоставимы по масштабам (не по характеру) своих последствий.

...Находившиеся поблизости от высшей власти ждали и хотели больших перемен, понимали их необходимость и уже имели основания связывать их с личностью Горбачева. Тем не менее никто из них не мог даже отдаленно вообразить, что избрание его Генеральным секретарем ЦК КПСС 11 марта 1985 года и – через месяц – его речь на апрельском Пленуме ЦК положат начало столь грандиозным и трагическим переменам в судьбе страны и мира. Сам Горбачев, как потом не раз признавался, не представлял себе, что, приоткрыв всего лишь створку, он спровоцирует такой напор, который снесет всю, казалось, вечную и несокрушимую советскую плотину.

В 1985 году не были еще произнесены магические слова “перестройка” и “гласность”. Во всяком случае, они не стали еще символом начатых преобразований. Не было предпринято и каких-то кардинальных реформ, сильно задевавших общество. Если не считать постановления о борьбе с алкоголизмом, которое в очередной раз (в истории) продемонстрировало, как благое намерение, став государственной политикой, приносит порой зла больше, чем иной преступный замысел. Обоснованная и даже вынужденная мера, включенная в контекст большой политики, оказалась роковой ошибкой.

Но в этом году было осуществлено нечто чрезвычайно важное – изменен **стиль политики**.

Когда на новый стиль Генсека обращали внимание члены ЦК, коллеги, печать, mass media за границей, Горбачев сердился: он считал, что “стиль” –

это нечто поверхностное, не достойное его замыслов, боялся, что с такой оценкой он будет выглядеть честолюбцем, оригинальничающим, чтобы не походить на тех, кого он сменил. И ошибся.

В жестко забюрократизированном обществе, закосневшем в правилах и догмах, где к чинопочитанию и законам иерархии привыкли как к непреложным нормам поведения, где страх за сказанное лишнее слово впитался в кровь, где поговорка “я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак” фактически определяла взаимоотношения людей на работе и в жизни... и тому подобные вещи, унижавшие достоинство человека, оскорблявшие его здравый смысл, – в таком обществе демонстративный отказ от всего этого, идущий с самого верха, ошеломил людей.

Горбачев выходил на улицу и заводил дискуссию (!) с первопопавшейся толпой, чего не бывало с начала 20-х годов.

Он говорил не по бумажке, своими словами, а не казенным языком, отработанным в номенклатурных аппаратах.

Он запретил вывешивать и носить на демонстрациях свои портреты.

Резко, с презрением пресекал, казалось, привычное славословие.

Новый Генсек отбросил “величественные” манеры “вождя”, неприступного небожителя, вообще ликвидировал это пагубное наследие царистского инстинкта, укорененного в веках. Предстал перед народом человеком вроде “как все”, но... подлинным лидером, которого хотели, по которому давно соскучились.

Горбачев прекратил политические репрессии (хотя и не сразу покончил с последствиями прошлых репрессий). Он убрал страх из общественно-политической атмосферы.

Он добился того, чтобы на Политбюро, в ЦК, на Пленумах, на совещаниях проблемы действительно обсуждались, а не “одобрялись” послушно – не важно, согласен или не согласен...

Он требовал от каждого, поощрял говорить то, что думаешь, даже “резать правду матку”. И одергивал тех, кто по привычке или из подхалимажа

одергивал осмелившихся это делать. Он разрешил публично критиковать начальство... и – все более высоких рангов.

Горбачев представил стране и миру свою жену как подругу по жизни (с явным вызовом позорному положению жен вождей как бытовой принадлежности, которую непозволительно выводить на публику).

Все это был **стиль**, хотя и делалось это ненароком, не ради стиля, по внутреннему побуждению натуры и “ради высвобождения мозгов”, как он говорил. И все это – 1985 год.

В собственно политической сфере 1985 год отмечен, естественно, кадровыми переменами, главным образом, в верхнем эшелоне. Некоторых деятелей Горбачев убирал (увы! не сразу и не всех, кого надо!). Но делал это не потому, что они не готовы были служить новому “первому”, тем более – не по каким-то идеологическим соображениям, а по причине их бездарности, некомпетентности, невежества, “случайности” на их высоких должностях (продукты кумовства Брежнева, Черненко), или в силу того, что они вопиюще дискредитировали себя на своих постах, вызывали заслуженное отвращение в своем окружении и в обществе.

С самого начала Горбачев вознамерился включить в процесс преобразований “человеческий фактор”. То есть разбудить в людях энергию, инициативу, энтузиазм. С точки зрения появившейся позже политологии, это означало – дать обществу естественное течение, инспирировать его “самодвижение”. Но общество давно отучено было жить не по указке и вне окаменевших форм его организации. Заблуждение Горбачева понятно – оно от природной демократичности натуры. Тогда всем нам трудно, да и едва ли возможно было понять (тем более – согласиться!), что “естественное” развитие общества не может служить “совершенствованию” и “улучшению” строя (“развитой социализм”), который всем надоел и при котором так плохо жилось.

Заметен был и акцент нового Генсека на повышение (и обновление) роли партии. Он – по инерции от самой сути советского строя – рассчитывал сделать

КПСС авангардом и мотором реформ... Подобно тому, как в свое время Хрущев, правда, по другим мотивам, противопоставил “государственнику” Маленкову партию, которая при Сталине была в пренебрежении и под колпаком НКВД-КГБ. Прозрение к Горбачеву пришло с большим (и роковым!) опозданием.

1985 год был годом выявления (и осознания) реального положения в стране и в мире. В распоряжении руководства страны оказались данные (и о них все меньше стеснялись говорить), свидетельствовавшие о самом настоящем, по сути, кризисе во всех жизненных областях. Стартовая платформа для глубоких реформ предстала весьма шаткой, а местами – полуразрушенной.

Политбюро, Секретариат ЦК принимали, что называется, меры, но они сводились пока к традиционным – “повысить”, “потребовать”, “наказать”, “поднять дисциплину”, “показать пример”, взывали к совести, сознательности, к долгу коммунистов и т. п.

Интенсивный выход на международную арену с новой внешней политикой диктовался прежде всего тяжелейшим внутриэкономическим состоянием страны. Нужно было срочно менять отношение Запада к Советскому Союзу, прекращать конфронтацию, гонку вооружений, высвобождаться от невыносимого бремени ВПК¹ и, может быть, наладить более эффективные внешнеэкономические связи. Сказывался тут попутно (и, пожалуй, главным образом) личностный момент – нравственное неприятие Горбачевым ядерной угрозы всему человечеству.

Здесь перемены обозначились. Но именно в результате “стиля”, а отнюдь не каких-то очередных и всем надоевших разоруженческих и декларативных инициатив Москвы, которые тоже имели место.

Горбачев всем своим обликом, поведением, умением вести диалог, убеждать, аргументировать по существу, а не отделяться набившими

¹ В материалах дневника, как может заметить читатель, недовольство прожорливостью и давлением ВПК уже в этом, первом, году перестройки начинает проклевываться в выступлениях некоторых членов Политбюро, Секретарей ЦК, что было бы просто кощунственным и наказуемым совсем недавно.

оскомину банальностями, заронил в лидерах Запада и среди общественности надежду на прекращение, наконец, холодной войны.

Полагаю, обратило на себя внимание читателя слишком большое место, которое в материалах года занимает международное коммунистическое движение. Объясняется это, конечно, местом работы автора. Но сюжеты, которых он там касается, показательны и для политического процесса того периода.

Во-первых, сам главный персонаж этих сюжетов – Б.Н. Пономарев. Он был, по своим личным качествам и интеллектуальному багажу, далеко не самым скверным в верхнем эшелоне советского правящего слоя, в так называемой элите. Но он – типичная фигура среди деятелей, с которыми Горбачеву пришлось начинать перестройку, причем – не только в Москве, а в масштабах всей партии и государства. И к тому же далеко не у каждого из них были такие консультанты, которые в силу специфических обстоятельств находились при Пономареве и пытались как-то корректировать его поведение и действия в горбачевском духе.

Во-вторых, ...очень существенная, принципиального значения сторона в положении Советского Союза. Он **объективно** и стремительным темпом переставал быть идеологической державой. ...Вследствие того, что МКД давно уже не было реальным фактором мирового развития, потеряло всякую историческую перспективу. Действовала лишь на глазах убывающая инерция. По той же инерции КПСС продолжала изображать из себя ведущую силу МКД. Но делала это – в лице реального руководства, олицетворяемого Горбачевым и его ближайшими тогда соратниками, – все более неохотно, вроде как отдавала дань унаследованному от Ленина и Октября “интернациональному долгу”. При этом (вопреки стараниям Пономарева и ему подобных) старалось избавиться от коминтерновских методов отношений с “братскими партиями”. Все отчетливее чувствовалась в руководстве и в рядах КПСС неосведомленность в делах комдвижения. И все откровеннее

говорилось о том, что пора избавиться от бремени (в том числе и финансового) “старшего брата”.

Для практической, особенно новой внешней политики, оно стало ненужным и даже вредным. Компартии уже не могли выполнять роль инструмента не только внешней политики СССР, но даже пропаганды в его защиту. Они окончательно к этому времени разочаровались в нем как “светоче будущего”. Впрочем, Горбачев попытался сделать их “просто бескорыстными друзьями”.

То же в какой-то степени относилось и к “национально-освободительному движению”, особенно впечатляюще это видно на афганской проблеме.

В-третьих, сюжеты, связанные с деятельностью Международного отдела ЦК, развенчивают глубокое, застарелое заблуждение на Западе (отчасти культивируемое ЦРУ и т. п. организациями для целей холодной войны), будто именно здесь был центр подрывной деятельности Москвы, будто Пономарев был тем самым “серым кардиналом”, который командовал и разведкой (КГБ), и МИДом, и прочими внешнеполитическими органами, вообще определял всю внешнюю политику СССР.

В-четвертых, наглядно предстает роль и положение “спичрайтеров” в КПССовской системе руководства страной, когда политика вырабатывалась и объявлялась главным образом через подготовку речей главных начальников, не способных ни мыслить, ни (как правило) грамотно писать. Эти “аппаратчики” вместе с некоторыми интеллигентами “со стороны”, сочиняя речи не для себя, пытались вносить элементы здравого смысла в политику. А попутно, поскольку их и внутри и вовне воспринимали как представителей ЦК (!), своим поведением, образованностью, не всегда ортодоксальными мыслями и словами давали понять *urbi et orbi*, что, раз proximity от самого “верха” есть такие люди, значит не все еще безнадежно в этой стране, какой-то человеческий ресурс для горбачевского новаторства имеется.

Таков этот 1985 год, в основном “год стиля”, изменившего атмосферу в стране и отчасти вовне. Теперь он вспоминается, – по крайней мере, теми, кто тогда с энтузиазмом ринулся в горбачевскую политику, – в некотором даже романтическом ореоле».